
НОВЫЕ КОНТУРЫ РОССИЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юридическая профессионализация правозащитной организации: кейс-стади «Комитета против пыток»

Е.В. МАСЛОВСКАЯ*

***Масловская Елена Витальевна** – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН. Адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 24/15. E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Цитирование: Maslovskaya E. (2016) Juridical Professionalization of a Human Rights NGO: a Case Study of 'The Committee Against Torture'. *Mir Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 126–148 (in Russian)

На основе концепции юридического поля П. Бурдьё и ее современных интерпретаций в статье рассмотрен процесс юридической профессионализации правозащитной деятельности на примере Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток». Юридическая профессионализация правозащитной организации выступает как структурируемая неравным доступом к материальным и символическим ресурсам, а также контекстуально зависящая от непрекращающихся попыток стигматизировать ее деятельность. Результаты исследования подтверждают тенденцию к возникновению в правозащитных организациях альтернативной формы профессионализации, изменяющей общеправовой абитурус. Выявлено, что асимметричность властных отношений внутри юридического поля вынуждает правозащитников разрабатывать набор тактик, позволяющих противодействовать нормализации насилия в правоохранительных органах. Проанализированы особенности взаимодействия правозащитников с пострадавшими и следственными органами в ходе общественного расследования фактов незаконного насилия. Выделены специализированные виды юридической деятельности и репертуар тактических действий, используемые правозащитниками при обращении в российские и международные судебные инстанции.

Ключевые слова: социология права, юридическое поле, нарушение прав человека, неправительственная организация, общественное расследование, уголовное судопроизводство, юридическая профессионализация

Введение

Одним из направлений исследований в современной социологии права выступит изучение деятельности правозащитных движений и организаций. Такого рода исследования в значительной степени сфокусированы на США и странах общего права, хотя в ряде случаев проводится и сравнительный анализ, в частности, американских и французских правозащитных объединений [Kawar 2011]. Отдельные работы посвящены описанию взаимодействия правозащитных организаций и правоохранительных органов в различных регионах России [Taylor 2006]. В последнее время ряд зарубежных ученых обратились к анализу особенностей деятельности российского правозащитного движения в условиях усиления законодательных ограничений [Dauce 2014; Owen 2015]. В частности, объектом исследования стали обращения российских правозащитных организаций в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ) [Sundstrom 2012; Van der Vet 2014]. Однако в этих работах не уделяется значительного внимания процессу юридической профессионализации правозащитной деятельности. Вместе с тем с начала 2000-х гг. наблюдается тенденция к юридической профессионализации ряда российских правозащитных организаций

В условиях слабости гражданского общества оказываются неэффективными методы классической правозащитной деятельности, среди которых можно упомянуть мониторинг нарушений прав человека, составление докладов о нарушении прав различных категорий граждан и обращения в государственные органы с предложением обратить внимание на выявленные проблемы. При этом юдификация различных сфер российского общества диктует необходимость придания любой жалобе или обращению юридически значимой формы. Специализированность профессионального юридического языка и правовых процедур вынуждает сотрудников правозащитных организаций приобретать соответствующие навыки и умения, выстраивая свою деятельность в соответствии с требованиями законодательства и апеллируя к закону с целью избежать конфликтов с государственными органами. Кроме того, распространенной становится практика привлечения юристов для работы в интересах правозащитных организаций. В связи с этим важным представляется выявление последствий данных процессов для правозащитных организаций как институциональных акторов гражданского общества. Возникает вопрос, происходят ли изменения целей, которые преследуют правозащитные организации, и трансформация набора тактических действий, средств и методов их работы, а также критериев ее эффективности?

Следует отметить тот факт, что уровень юридической профессионализации во многом определяется специализацией правозащитных структур. В большей степени тенденция к расширению сферы профессиональной юридической работы выражена в тех организациях, которые не ограничиваются мониторингом нарушения прав человека и просветительской деятельностью, но отстаивают права уязвимых групп населения, например, жертв незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов. Контрагентами подобных правозащитных организаций выступают такие институциональные акторы юридического поля, как полиция, прокуратура, Следственный Комитет и суды. Противостоят неэффективному

расследованию фактов незаконного насилия, правозащитники вынуждены принимать решение в отношении того, какой тактики взаимодействия с государственными органами придерживаться: находиться в конфронтации, занимать позицию наблюдателя и ограничиваться критикой либо проводить собственное расследование и вступать в сотрудничество по отдельным направлениям. Особенностью правозащитных организаций, эволюционирующих в течение последних 10–15 лет, стало осознание эффективности сочетания различных тактик при реализации целей своей деятельности.

В первой части статьи раскрываются возможности использования концепции юридического поля П. Бурдьё и ее современных интерпретаций для анализа процесса юридической профессионализации правозащитной деятельности. Вторая часть работы содержит описание становления профессионально-юридической модели правозащитной организации. В третьей части проанализированы особенности взаимодействия правозащитников с пострадавшими и следственными органами в ходе общественного расследования фактов незаконного насилия. В заключительной части выделены специализированные виды юридической деятельности и репертуар тактических действий, используемые правозащитниками при обращении в российские и международные судебные инстанции.

Теоретические основания, методология и эмпирическая база исследования

Особенности юридической профессионализации правозащитных организаций в современной России позволяет выявить концепция юридического поля П. Бурдьё [Бурдьё 2005, с. 75–128], которая неизменно рассматривается как одно из основных теоретических направлений современной социологии права [Dezalay, Madsen 2012]. На данную концепцию нередко ориентируются новейшие исследования юридической профессии, в которых подчеркивается увеличение сложности юридического поля и сопутствующие этому изменения профессиональной идентичности юристов [Sommerlad 2007; Francis 2011]. Наряду с этим усилился интерес к использованию теоретических моделей, разработанных П. Бурдьё, в изучении организаций [Emirbayer, Johnson 2008; Swartz 2008]. В отечественной литературе концепция юридического поля прежде всего сопоставляется с другими теоретическими подходами в социологии права [Масловская, Масловский 2005; Масловская, Масловский 2015]. Следует подчеркнуть, что для анализа институтов российского гражданского общества используется общетеоретический подход П. Бурдьё [Salmenniemi 2014], но не концепция юридического поля.

Согласно П. Бурдьё, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона, являющейся одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем символической власти. Эта борьба ведется между акторами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается «в общественно признанной способности интерпретировать (более-менее вольным или установленным образом) свод текстов, закрепляющих легитимное,

т.е. правильное, видение мира» [Бурдые 2005, с. 78]. Как подчеркивает П. Бурдые, эти акторы преследуют различные интересы (судейские, адвокатские, нотариальные) в зависимости от своего положения в профессиональной иерархии, соответствующего положению их клиентуры в социальной иерархии. Практики юристов формируются на основе сходного опыта, приобретенного в ходе обучения праву и профессиональной деятельности. Понятие юридического габитуса используется П. Бурдые для обозначения диспозиций, структурирующих восприятие и оценку конфликтов, которые должны быть преобразованы в юридические прения.

Формирование юридического поля предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Обладатели юридической компетенции осуществляют контроль над ситуацией, преобразуя доюридические интересы «профанов» в судебные дела. Процесс развития юридического поля происходит в условиях конфликта между стремлением к расширению рынка юридических услуг и увеличением автономии поля, т.е. разрыва между «профанами» и профессионалами. Результатом, в частности, является профессионализация акторов, вступающих в юридическое поле, вход в которое предполагает освоение риторики автономии, безличности и нейтральности, специфической формы суждения, которая «была бы несводима к ненадежным интуициям чувства справедливости» [Бурдые 2005, с. 83] и выводилась бы из свода правил и процедур, претендующих на непротиворечивость и универсальность. Тем самым приобретение собственно юридической компетенции влечет за собой полную конверсию образа мышления, выражения и действия.

С точки зрения П. Бурдые, способность воспринять какой-либо опыт как несправедливый распределяется неравномерно и зависит от позиции в социальном пространстве. Осмысление несправедливости является следствием осознания своих прав, что предполагает способность выявить факты их нарушения. Переход от незамеченного ущерба к ущербу осознанному и идентифицирующему виновника происходит в том числе и благодаря деятельности правозащитников. В зарубежной социологии деятельность правозащитных организаций рассматривалась в контексте социальных движений. Как демонстрирует Дж. Александер на примере США, эти движения формируют стратегии «гражданского ремонта», то есть устранения проблем, связанных с неравным положением отдельных социальных групп [Alexander 2001]. Однако для реального осуществления изменений необходимы определенные социальные институты, в числе которых Дж. Александер выделяет СМИ, выборы, а также судебную систему. Усилия реформистски настроенных групп добиваться социальных изменений посредством решений суда рассматривались также и в социально-правовых исследованиях, результаты которых свидетельствуют, что тенденции к профессионализации и институционализации проявлялись в таких социальных направлениях, как феминизм, борьба за экологию, движение за права человека [Kawar 2011].

Некоторые ученые [McCann 2006] отмечают, что роль юристов в социальных движениях определяется прежде всего двумя факторами: особенностями социальных связей внутри самого движения и доступностью внешней поддержки. С одной стороны, при наличии сильных горизонтальных связей и высокой степени солидарности внутри движения юристы в меньшей степени следуют исключительно юридической логике и тем самым отклоняются от профессиональных норм.

С другой стороны, возможность получения внешней поддержки и финансирования способствует большей степени юридической профессионализации в использовании суда для достижения целей социального движения. При этом юристы, действующие в интересах этих движений, не являются монолитной группой, но отличаются многообразием идеологических установок, интересов и мотиваций [Marcowitz, Tice 2002]. Исследования выявили также напряжение между профессионально-юридической и активистской позициями, что подтолкнуло к необходимости изучать отношения власти на микроуровне в ходе взаимодействия адвокатов и клиентов [Sarat, Scheingold 1998].

В российском обществе в настоящее время отсутствуют широкие социальные движения, не укоренены соответствующие формы и механизмы взаимодействия гражданского общества и иных социальных сфер. В целом масштабные акции «гражданского ремонта» едва ли осуществимы, скорее, возможно инициировать «точный гражданский ремонт». В результате этого иначе определяется приоритетность целей и задач, которые решают правозащитные организации в современной России. В условиях доминирования дискурса подавления они должны обладать достаточной компетенцией, чтобы сделать свои действия объяснимыми. При этом правозащитные организации вынуждены способствовать изменению общественного мнения, доказывать необходимость «гражданского ремонта». Именно поэтому исключительную важность приобретает взаимодействие со СМИ, пиар-кампании, распространение визуальных материалов о деятельности организаций.

Вместе с тем сотрудникам правозащитных организаций, противодействующих нормализации незаконного насилия правоохранительных органов по отношению к задержанным и осужденным, приходится восполнять пробелы официального следствия и даже брать на себя некоторые его функции. Такие организации осуществляют юридическое сопровождение пострадавших в период предварительного расследования уголовного дела и в ходе судебного разбирательства, представляют интересы пострадавших в международных инстанциях. Очевидно, что такого рода деятельность предполагает наличие квалификации, специальных знаний и навыков. Сведение реальности к ее юридическому определению подразумевает переосмысление всех аспектов ситуации, чтобы представить предмет спора в качестве дела, т.е. юридической проблемы, способной стать объектом профессиональных прений. Другими словами, требуется работа по конструированию иной социальной реальности, которая оказывается прерогативой юристов-профессионалов. В то же время закрытость юридического поля, которая выражается в специфических категориях восприятия и оценки, вынуждает правозащитников юридически профессионализироваться. В результате происходит смена профессионального «лица» правозащитников, а также переопределение не только целей и задач, но и комплекса методов и тактических действий, используемых для их достижения, критериев эффективности работы, а также организации рабочего процесса.

В данной статье впервые в отечественной социологии исследуется процесс юридической профессионализации правозащитной организации, занимающейся узкоспециализированной проблемой – применением незаконного насилия сотрудниками правоохранительных органов. В качестве теоретической рамки исследования выступает концепция юридического поля П. Бурдьё, дополненная идеями

ученых, изучающих правозащитное движение. Проведен кейс-стади Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» (КПП), главное бюро которой находится в Нижнем Новгороде. Выбор данной организации был обусловлен тем, что она получила широкое признание (в том числе и международное) и специализируется в области расследования незаконного насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов и представления интересов пострадавших, разработала и активно применяет методику общественного расследования. Респондентами выступили сотрудники этой организации, адвокаты, федеральные судьи, бывшие работники правоохранительных органов. Всего в ноябре 2013 – марте 2015 гг. было проведено 22 полуструктурированных интервью. Эмпирическая база статьи также включает:

- материалы, размещенные на сайте Комитета и других интернет-ресурсах;
- дела, по которым осуществлялось общественное расследование и юридическое сопровождение;
- постановления Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по искам, поданным юристами этой организации;
- публикации региональных СМИ.

Становление профессионально-юридической модели правозащитной организации

Результаты исследований отечественных социологов [Гудков, Дубин, Леонова 2004; Сатаров 2013; Новикова 2014], а также интервью с бывшими сотрудниками правоохранительных органов, с федеральными судьями в отставке свидетельствуют о нормализации незаконного насилия со стороны правоохранителей. При этом мы сталкиваемся «с недостатком данных, которые могли бы дать представление о масштабах применения пыток», что обусловлено отсутствием «точного статистического инструментария для мониторинга пыток¹» [Новикова 2014, с. 67–68], а также с отрицанием в официальном дискурсе факта их распространенности. Среди причин распространенности незаконных методов осуществления профессиональной деятельности наши респонденты выделяли прежде всего «палочную систему», в рамках которой эффективность работы правоохранительных органов измеряется уровнем раскрываемости преступлений вне зависимости от того, какими методами этот уровень достигается. Сохранению существующего положения дел в этой сфере способствуют и незаинтересованность следственных органов в расследовании фактов незаконного насилия, особенности правовой культуры правоприменителей и сложившиеся практики ведения следствия.

В Нижегородском регионе специализированная методика общественного расследования пыток и других грубых нарушений фундаментальных прав человека (права на жизнь, свободу и личную неприкосновенность) складывалась постепенно, и ее формирование проходило в несколько этапов. Во второй половине

---

¹ Под пытками понимаются все формы жестокого и унижающего обращения, запрещенные российским законодательством и международными документами.

1990-х гг. систематический мониторинг нарушений прав человека проводился Нижегородским обществом прав человека (старейшей региональной правозащитной организацией). В 1997 г. сотрудниками этой организации был подготовлен тематический доклад о применении пыток в Нижегородской области в период с 1991 по 1997 гг., который получил статус официального документа после утверждения в качестве Специального доклада Комиссии по правам человека при администрации Нижегородской области. Несмотря на резонанс в региональных СМИ, обнародование доклада не достигло той цели, которую ставили перед собой правозащитники – привлечь внимание прокуратуры к проблеме и побудить к принятию мер по пресечению и профилактике незаконного насилия. В официальном ответе прокуратуры подчеркивалось, что в ходе проверок *«ни одного факта применения “пытков” на территории области не установлено»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород), по ее результатам в возбуждении уголовных дел было отказано.

Стало очевидно, что позиция представителей государственных органов «будет оставаться неизменной до тех пор, пока факты применения пыток не будут установлены в порядке, предусмотренном законом – то есть приговором суда в отношении конкретных должностных лиц» [Дмитриевский, Казаков, Каляпин, Рыжов, Садовская, Хабибрахманов 2012, с. 19]. Для того чтобы были вынесены такие приговоры, должны были быть представлены более веские доказательства, чем заявления пострадавших и медицинские справки. Это означало, что противостоять неэффективному расследованию заявлений о пытках могут носители только юридической компетенции, объединенные в рамках организации, специализирующейся на проведении расследования (параллельного официальному) и юридическом сопровождении жертв незаконного насилия. Нижегородские правозащитники *«создали другую организацию уже из профессиональных юристов, которая стала системно, глубоко заниматься итучно каждым делом»*, деятельность которой отличал *«ярко выраженный “наступательный” характер»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Другими словами, *«в отличие от адвоката, привыкшего... “разваливать” уголовные дела в зале суда»*, от сотрудников организации требовались *«качества следователя или прокурора»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород).

Использование методики общественного расследования и выбор суда в качестве института урегулирования конфликта, а судей в качестве профессиональной аудитории для озвучивания своей позиции, аргументов, обвинений сотрудников правоохранительных органов в применении незаконного насилия были обусловлены комплексом целей. Прежде всего, целью являлось *«бесспорное установление факта пыток»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Следующая цель состояла в том, чтобы *«удалить человека из системы. Автоматически они удаляются после приговора, они никогда не могут служить в полиции, это прописано в законе»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Наиболее фундаментальная цель заключалась в *«создании ситуации, когда для страны, государственных органов было бы невыгодно применение пыток и когда государственные органы сами бы отслеживали и пресекали применение пыток»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород).

В августе 2000 г. была зарегистрирована Региональная общественная организация «Комитет против пыток». Сотрудниками организации постепенно становились юристы с различным опытом профессиональной работы, которых объединяло нежелание принять особенности сложившихся в государственных органах

формальных и неформальных практик и готовность продемонстрировать, как законными методами можно осуществлять расследование даже таких сложнодоказуемых фактов, как пытки. Участие в конференциях и обучающих семинарах, включенность организации в международные сетевые сообщества, между участниками которых существует систематическое сотрудничество и обмен опытом, способствовали формированию особой идентичности, соединяющей в себе правозащитную и юридическую составляющие, трансформируя представления о праве, типичные для российских юристов.

В вопросе о природе права и источниках его легитимности правозащитники стали придерживаться подхода, получившего наибольшее развитие в США в 1960–1970-е гг. в рамках движения за право общественных интересов. Согласно взглядам сторонников этого движения, право должно быть продуктом дискурса в публичной сфере, а не монолитным сводом правил, полученным из рук высшей власти. Тем самым «право перестает быть только инструментом государственного контроля: оно превращается в форум для разрешения конфликтов и выработки конкурирующих понятий о том, в чем заключаются общественные интересы» [Рекош 2005, с. 14]. В условиях ослабленной публичной сферы суды могут выступать площадкой, на которой происходит артикуляция различных представлений об общественном интересе. Именно поэтому основным направлением деятельности юридически профессионализирующихся правозащитников становится активное целенаправленное литигирование.

Однако по мере расширения организации возникли трудности с привлечением новых кадров. Поиск юристов, разделяющих принципы деятельности организации и не стремящихся к получению дополнительных заработков, что могло бы привести к конфликту интересов, оказалось чрезвычайно сложной задачей. Кроме того, особенности общеправового габитуса диктовали определенные ценности, карьерные стратегии и способы их реализации, при этом возможности карьерного роста внутри организации были ограничены. Незрелость публичной сферы и гражданского общества не позволяла рассматривать работу в правозащитной организации как трамплин для достижения более высокого статуса в профессиональной иерархии (например, судьи Верховного Суда), как это происходит в США или во Франции [Kawar 2011]. Несовпадение ожиданий и требований к сотруднику правозащитной организации в некоторых случаях приводило к уходу из организации квалифицированных юристов в адвокатуру, коммерческий сектор, где они могли зарабатывать существенно больше, благодаря, в том числе, и накопленному в организации профессиональному опыту. Кроме того, «сотрудники уходили из организации, потому что через некоторое время их “накрывало” негативной информацией... тяготили эти эмоциональные переживания, безысходность, многолетние судебные тяжбы... наверное, не каждый может с этим справиться» (юрист КПП, г. Нижний Новгород).

В организации оставались только те, у кого под влиянием правозащитной деятельности постепенно трансформировались воспринятые в процессе получения юридического образования и профессиональной социализации установки, а также стандарты и модели поведения. В результате проявлялась тенденция к возникновению альтернативной формы профессионализации, изменяющей общеправовый габитус. Данная тенденция, как отмечают зарубежные исследователи,

характерна для юристов, которые действуют в интересах исключенных групп. Тем не менее эти юристы никогда полностью не выходят из-под влияния диспозиций и интересов акторов юридического поля [Kawar 2011, pp. 358–359], что особенно заметно во взаимоотношениях правозащитников и пострадавших.

Профессиональный юридический подход диктовал соответствующие методы организации работы и ведения документации. В организации было создано несколько отделов: отдел расследования, международно-правовой защиты, реабилитационных программ, пресс-служба. При этом «работа каждого отдела и сотрудника регламентирована должностными инструкциями, учет сообщений о нарушениях прав человека и делопроизводство по каждому случаю ведется по аналогии с делопроизводством по уголовным делам, принятым в государственных органах» [Дмитриевский, Казаков, Каляпин, Рыжов, Садовская, Хабибрахманов 2012, с. 28].

В 2004 г. сотрудники Комитета сумели добиться вынесения приговоров, связанных с реальным лишением свободы, и постепенно превратили этот подход в обычную судебную практику в нижегородских судах. Важным событием, раскрывшим проблемы российской правоохранительной и судебной систем, стало вынесение в 2006 г. Европейским судом по правам человека постановления в пользу гражданина России в деле «Михеев vs Россия»², ставшим прецедентным во многих отношениях. Во-первых, это первое дело, в котором рассматривалась проблема пыток в российской милиции. Все дела до этого, проходившие через ЕСПЧ, касались только условий содержания в местах лишения свободы. Во-вторых, иск был подан при поддержке нижегородского «Комитета против пыток». В-третьих, это первое дело, в котором в качестве экспертов в процессе выступали российские правозащитные организации³, несмотря на сопротивление со стороны представителя России в ЕСПЧ. Выигранные судебные дела подтверждали правильность выбора общественного расследования в качестве основной тактики противодействия нормализации незаконного насилия и способствовали становлению профессионализированной организационной модели.

Отдел координации деятельности территориальных подразделений Комитета был создан после того, как в 2007 г. «Комитет против пыток» перерегистрировался в качестве Межрегиональной общественной организации. Этому предшествовало распространение методики общественного расследования, которую начали использовать правозащитники Оренбургской области, Башкортостана, Республики Марий-Эл и Чеченской Республики. Через несколько лет был открыт филиал организации в Москве и Московской области. Наряду с этим возрастала включенность Комитета в сетевые структуры благодаря созданию коалиций с другими правозащитными организациями для представления совместных исков в Конституционный Суд и ЕСПЧ, а также при подготовке аналитических материалов для межпарламентских и межправительственных организаций. За весь период существования организации было установлено 126 фактов пыток, осуждено 109 лиц, виновных

² Дело Михеев против России. Жалоба № 77617/01 // <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rmikheyevcase.html>

³ Фонд содействия защите прав и свобод граждан «Общественный Вердикт» (г. Москва), центр «Демос» (г. Москва), «Человек и закон» (г. Йошкар-Ола), Правозащитный центр г. Казани, // <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/euro/Rmikheyevcase.html>

в применении незаконного насилия, отменено 710 незаконных решений сотрудников прокуратуры, следственных органов и суда (из них наивысшие годовые значения – 80 (2008 г.), 74 (2011 г.), 87 (2014 г.)⁴.

Этапы и особенности проведения общественного расследования

Общественное расследование жалоб на применение незаконного насилия состоит из нескольких этапов. Прежде всего сотрудниками Комитета проводится проверка по каждой жалобе, предполагающая опрос жертвы, установление личности свидетелей и их опрос, получение медицинских документов и объяснений врачей, то есть ведется работа по поиску доказательств фактов незаконного насилия. Из содержания жалоб, проверенных правозащитниками, делаются выводы о степени жестокости обращения с задержанными или заключенными, о тяжести наступивших последствий. За период существования Комитета поступило 1868 сообщений о пытках. Первоначально в организацию обращались люди с предельно сильным травматическим опытом, серьезными увечьями, полученными в результате незаконного применения насилия, либо родственники погибших, но постепенно в потоке жалоб стали попадаться и менее серьезные случаи. В целом количество поступающих жалоб, по словам правозащитников, возрастает каждый год. Это свидетельствует не только о том, что, по-видимому, уровень незаконного насилия по-прежнему высок, но и о том, что пострадавшие в большей степени, чем прежде, готовы защищать себя с помощью правозащитной организации. В данном случае определяющую роль играет известность организации, ее сложившаяся репутация.

Как правило, в ходе опроса пострадавших проявляются как несоответствие установок профессиональных юристов и обычных людей в видении перспектив дела, так и несовпадение ожиданий правозащитников и пострадавших: первые рассматривают жертв насилия не как клиентов, а как союзников, готовых к совместной борьбе против нормализации незаконного насилия. Однако лишь немногие из перенесших насилие в полной мере отвечают подобным ожиданиям, поскольку поведение пострадавших зависит прежде всего от личных характеристик, таких как нежелание прощать обидчиков или страх мести с их стороны, готовность предпринимать активные действия или неверие в собственные силы, жажда добиться справедливости в суде или неготовность раскрыть обстоятельства дела перед посторонними. Значимым фактором является также наличие опыта участия в урегулировании конфликтов, в том числе в судебном разбирательстве, и общения с должностными лицами и представителями властных групп. В свою очередь, и опыт, и личные характеристики пострадавшего обусловлены социальным статусом, возрастом, гендерной принадлежностью.

Описание того, что и каким образом предполагается делать на каждом этапе превращения заявления пострадавшего в «дело», которое необходимо довести

⁴ Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток» // <http://pytkam.net/o-komitete.pokazateli-dejatel-nosti>.

до суда, а также разъяснение примерной продолжительности разбирательства, учитывая сложившуюся практику ведения дел в следственных органах и суде, может вызвать пересмотр первоначальной позиции и целей пострадавшего. Узнав о том, что им необходимо участвовать в очных ставках с обидчиками, неоднократно быть допрошенными, выступать в суде, пострадавшие нередко заявляют: *«Ну, это не меньше года, а то и дольше затянется, нет, не надо»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Первоначальное желание *«наказать, посадить, даже отомстить обидчикам, садистам»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород) сменяется желанием как можно быстрее получить компенсацию и забыть о случившемся. Это означает готовность пойти на мировое соглашение, которое практически всегда предлагают подозреваемые или обвиняемые в незаконном насилии. Такой пересмотр пострадавшим своей позиции, происшедший неожиданно для сотрудников Комитета (особенно в первые годы существования организации), вызывал ощущение разочарования: *«Ведь столько ресурсов, сил вкладывалось в подготовку каждого дела, привлекались специалисты, эксперты»* (юрист КПП, Нижний Новгород).

В практике организации случались ситуации, когда мотивами обращения за помощью являлись корыстные интересы, месть или желание избежать уголовной ответственности, используя Комитет в качестве инструмента давления на правоохранительные органы. После того, как эти цели были достигнуты или, наоборот, недобросовестный заявитель осознавал невозможность их достижения, он отказывался от взаимодействия с Комитетом, а иногда и обвинял сотрудников в давлении на него или в умышленном введении в заблуждение. Постепенно в организации были разработаны подробные инструкции по проведению опроса пострадавшего: после изложения пострадавшим проблемы и выяснения цели обращения в правозащитную организацию сотрудники должны были разъяснять принципы работы Комитета, а заявитель письменно подтверждал получение этих разъяснений.

Как правило, проверкой жалобы занимается один сотрудник, *«но когда нужно все делать экстренно, привлекаем несколько человек... В разработанную схему иногда приходится вписывать нестандартные ходы. Или вот, если не можем сразу найти свидетелей, обращаемся к журналистам с просьбой, чтобы сделали объявление и откликнулись свидетели, либо ищем, что на форумах пишут»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Если в результате проведенной проверки становится очевидным, что собранные свидетельства подтверждают слова заявителя о незаконном применении насилия и могут быть использованы в суде, дело принимается к производству. Вместе с тем возможности правозащитных организаций по получению доказательств ограничены. В полном объеме полномочия, необходимые как для сбора доказательств, подтверждающих или опровергающих применение пыток в конкретном случае, так и для уголовного преследования виновных, есть только у следственных органов.

Однако правозащитные организации сталкиваются с нежеланием следственных органов тщательно проверять жалобы на пытки, собирать необходимые доказательства и давать им объективную оценку. *«После того, как убедились, что это "наш случай", подаем заявление о преступлении в следственные органы. На него, как правило, следует отказ в возбуждении... Расследование по делу нередко*

саботируется, следователи уклоняются от сбора доказательств, допрос свидетелей, нарушают процессуальные нормы, откровенно игнорируют права потерпевшего и его представителей, искажают показания свидетелей при протоколировании... Или привлекая, например, экспертов, сообщают им не все факты или собственные версии событий» (юрист КПП, г. Нижний Новгород). В связи с этим на следующем этапе юридического сопровождения особое значение для правозащитников приобретает контроль над ходом предварительного расследования уголовного дела, что предполагает, в частности, овладение «языком протокола», который отличает ряд особенностей [Титаев, Шклярчук 2015].

От правозащитников требуется как можно быстрее получить «отказное» постановление и обнаружить в нем технические и процессуальные ошибки (например, нарушение сроков рассмотрения), а затем обжаловать его в суде. Во многих случаях им приходится обжаловать «отказные» постановления многократно и в течение длительного времени. Если следователь так и не возбуждает уголовное дело или, возбудив, прекращает, возникает вопрос, как сдвинуть дело с мертвой точки. В зависимости от конкретного дела правозащитники выбирают ту или иную линию поведения, например, проводят пресс-конференцию, на которой подробно разъясняют свою позицию, описывают незаконные действия и бездействие следователей. Тактическим приемом является также обращение к депутатам: *«От заявителя зависит, к депутату от какой партии обращаемся: если пенсионер, то к коммунистам. Был у нас потерпевший – член «Справедливой России», тогда к ним обращались... Иногда не сам депутатский запрос срабатывает, а участие депутата в телепередачах и озвучивание ситуации с отказом в расследовании»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород).

Если после многочисленных обжалований в суде, привлечения внимания через СМИ, пресс-конференции или обращения к депутатам дело возбуждают, нередко *«следователь ничего не предпринимает, чтобы собрать доказательства. Юристам нашей организации приходится опрашивать очевидцев, и потом эти объяснения приобщать к материалам уголовного дела... Или заявляем ходатайства от лица потерпевшего о приобщении к материалам дела, например, справки из травмпункта или какую-то независимую экспертизу»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Приобщение полученных свидетельств или документов к материалам официального дела требует от правозащитников специальных навыков и профессионализма. Особое внимание правозащитниками уделяется допросу следователем пострадавшего, потому что именно в это время происходит не столько фиксация следователем показаний, объяснений заявителя, сколько конструирование той версии, которая отвечает интересам следователя. Стремясь доказать, что заявитель мог получить травмы не в полиции, следователь *«пытается заставить человека высказать какую-то неоднозначную информацию, которую потом можно будет обратить против него... Важно пресекать такие ситуации, выводить следователя на четкие формулировки вопросов, которые не допустили бы такой вольной трактовки»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). В тех случаях, когда были сомнения в том, что следователь будет вести себя корректно, организация нанимала адвокатов, а в 2007 г. юристы Комитета добились права представлять интересы пострадавшего, в том числе и присутствовать при допросе, не имея статуса адвоката.

Практики взаимодействия правозащитной организации с российскими и международными судебными инстанциями

До 2010 г. «позиционная война», направленная на изменение стандарта расследования фактов незаконного применения насилия, велась Комитетом с прокуратурой как основным, в том числе и процессуальным, противником. После разделения функций расследования и надзора, создания организационно самостоятельного органа – Следственного комитета (далее СК), прокуратура стремилась вернуть прежний объем властных полномочий, не соглашаясь с их ограничением. Тактика правозащитников состояла в том, чтобы использовать новый статус прокурора как представителя надзорного органа в процессах по обжалованию «отказных» постановлений сотрудников СК для выстраивания «союзнических отношений». Прокуратуру рассматривали как *«потенциального союзника, который на системном уровне в состоянии оказать влияние на практику расследования»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). В обращение к прокурору, которое составлялось в каждом случае обжалования «отказного» постановления следственных органов, юристы организации включали аргументацию, обосновывающую, что в ходе процессуальной проверки по заявлению о пытках или в ходе предварительного следствия не были проведены необходимые следственные действия. При этом они ссылались прежде всего на российское законодательство, в котором содержатся практически все стандарты эффективного расследования, сформулированные ЕСПЧ, и только в качестве дополнительного аргумента правозащитники приводили ссылки на постановления ЕСПЧ.

Использование прокуратурой того обоснования, которое представляли правозащитники, отвечало интересам сохранения влияния ведомства, в том числе возвращения полномочий по возбуждению уголовных дел. Возможность позиционировать себя в качестве защитника прав граждан также выгодно оттеняло ведомство на фоне следственных органов, демонстрировавших низкое качество расследования уголовных дел. По словам правозащитников, постепенно количество *«ситуаций, когда прокурор встает на нашу сторону, поддерживает наши доводы, жалобу, направленную против решения Следственного комитета»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород) становилось все больше. Ссылаясь на европейские стандарты в качестве дополнительного аргумента, правозащитники в определенной степени способствовали их имплементации, хотя это и не являлось основной целью деятельности организации.

При этом позиция правозащитников состоит не только в требовании соблюдения должностными лицами и государственными органами российского законодательства. Используя доктринально ориентированные техники, юристы организации стремятся убедить следственные органы в том, что этими органами неправильно понято целеполагание российских норм. Одной из объективных причин такого непонимания, по мнению правозащитников, является отсутствие в российском праве норм-принципов: «Законодатель не объясняет, ради чего существуют эти нормы. Европейский суд в свою очередь замечательно этот пробел восполняет... объяснение того, для достижения какой цели эта норма существует, прямо содержится в постановлениях Европейского суда...и, когда мы спорим со Следственным комитетом, то говорим: давайте мы в данном случае обратимся

к Европейскому суду... мы, толкуя норму, всегда ставим вопрос, для чего эта норма была введена. Мы озвучиваем свою аргументацию, и суд – не скажу, чтобы в большинстве, но в половине случаев – с нами соглашается» [Каляпин 2010, с. 16].

Правозащитники стремятся мобилизовать наличные юридические ресурсы (не только российское законодательство, но и постановления ЕСПЧ) и использовать их как символическое оружие. Сочетание юридических ресурсов позволяет сотрудникам Комитета увеличивать собственный вес в юридическом поле, изменяя стереотипные и стигматизирующие представления о своей деятельности. Вполне закономерно, что интересам правозащитников, чей статус в иерархии профессиональных акторов юридического поля постоянно подвергается сомнению, отвечает превращение суда в нейтральное пространство, в котором прямое столкновение интересов преобразовано в юридически регламентированные прения. Однако, как показывают результаты эмпирических исследований, российские суды явно не соответствуют данной модели [Барсукова 2010; Волков 2012].

Правозащитники заинтересованы в расширении возможностей российских судов по рассмотрению различных дел, затрагивающих общественные интересы, в том числе и уязвимых групп. Для этого, в частности, необходимо, чтобы при применении российского законодательства судьи анализировали нормы российской конституции и международного права. Соответственно, представляемые правозащитниками аргументы «*работают при условии, что есть достаточно грамотная судебная власть*» [Каляпин 2010, с. 15]. Грамотность судей – это прежде всего набор знаний российского законодательства, постановлений ЕСПЧ и умение правильно применить их при вынесении приговора. Содержательное информирование нижегородских судей, предоставление перевода текстов постановлений ЕСПЧ, а также тренинги по их применению оказались в течение многих лет предметом заботы и действий Комитета. Вместе с тем сотрудники правозащитной организации и активно настроенные адвокаты регулярно участвовали в обучающих семинарах по применению международных норм по правам человека, которые проводились при содействии европейских институций.

В результате стороны судебного процесса все чаще стали обращаться к суду с аргументами, основанными на практике ЕСПЧ. Игнорировать подобные доводы становилось все сложнее, судьи были вынуждены отвечать на профессиональный вызов. При этом возможность обращения к экспертным ресурсам, непосредственного участия в обучающих семинарах, которые проводились Советом Европы, были прямо пропорциональны близости судов к городам федерального значения и высшим судам, то есть практически недоступны судьям Нижнего Новгорода. Тем не менее, понимание того, что они находятся в международном контексте, что решения российских судов могут стать предметом рассмотрения в ЕСПЧ, способствовало заинтересованности председателя Нижегородского областного суда и определенной части судейского корпуса в повышении информированности о деятельности Европейского суда и его практике. При грантовой поддержке международных организаций «Комитет против пыток» организовывал поездки нижегородских судей на стажировку в Страсбург. В самом Нижнем Новгороде правозащитники проводили обучающие семинары, курсы повышения квалификации для представителей юридического сообщества, включая и судей, по проблемам применения международных стандартов защиты прав человека. Эта деятельность получила поддержку

со стороны председателя Нижегородского областного суда на фоне растущего числа постановлений ЕСПЧ в пользу российских граждан, в том числе и по жалобам, поданным Комитетом: так, председателем областного суда была введена практика учета знания постановлений ЕСПЧ при аттестации судей. Постепенно сотрудники Комитета стали отмечать *«заинтересованность со стороны судейского состава, то есть стало видно, что не председатель навязал, а была группа заинтересованных судей»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Тем не менее, далеко не все судьи положительно отнеслись к идее повышения квалификации: *«Это требовало работы со стороны судей, и далеко не все из них выражали готовность, хотели что-то делать»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). В связи с этим у части судей и в настоящее время *«сохраняется неграмотное применение постановлений ЕСПЧ»* (адвокат, г. Нижний Новгород).

Тактику взаимодействия с судьями правозащитники выбирали с учетом особенностей функционирования российской судебной системы, в которой большое значение имеет позиция высших судов, в том числе и Конституционного Суда. Постановления Конституционного Суда использовались для обоснования своей процессуальной позиции при отстаивании права представлять интересы потерпевшего в уголовном процессе не только на стадии судебного рассмотрения, но и на стадии предварительного следствия. В 2007 г. им удалось добиться права выступать в качестве представителя жертвы насилия, не имея статуса адвоката, что существенно расширило их полномочия и повлияло на качество оказания юридической помощи. При этом они следовали юридически выверенному расчету последовательного обращения в различные инстанции районного и областного уровня.

Однако действия правозащитников, опиравшихся на решения Конституционного Суда, вызывали противодействие со стороны следователей, внедрявших «новые технологии». Примером может служить кампания по привлечению к уголовной ответственности за заведомо ложный донос лиц, обращавшихся с жалобой на действия сотрудников правоохранительных органов. В этом случае уголовное преследование, как правило, прекращалось через месяц, *«не было ни одного случая, когда бы человека привлекли»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Таким образом, правозащитники сделали вывод о том, что целью таких действий было не привлечь заявителя к уголовной ответственности, а вынудить его отказаться от обжалования «отказного» постановления.

Важным элементом юридической профессионализации правозащитников стала практика обращения в ЕСПЧ с исками от лица пострадавших. Внутри реестра юридических услуг литигирование в ЕСПЧ характеризуется как высокоспециализированная юридическая деятельность, требующая особого набора навыков, знаний и умений [Madsen 2007]. Учитывая незначительность влияния постановлений ЕСПЧ на модели поведения российских правоприменителей, в частности, судей [Браиловская 2013; Бурков 2010], а также особенности функционирования Суда и его судебную практику, юристы международно-правового отдела Комитета выработали систему критериев отбора дел, в рамках которой получение компенсации пострадавшим не является определяющим мотивом при подаче жалобы в Суд. При отборе материала юристы организации прежде всего принимали во внимание степень исчерпанности внутрисударственных средств защиты или их неэффективность. Наиболее значимым было определение того, подходит ли случай под

категорию пилотных постановлений⁵, а также того, насколько обширна практика ЕСПЧ по аналогичным делам в отношении не только России, но и других стран. В ряде случаев сотрудники Комитета выступали в коалиции с другими правозащитными организациями, что усиливало их позицию. Всего за время существования организации было подано 84 жалобы, 17 из которых – за последние два года⁶.

Возобновление официального расследования и последующее привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в незаконном применении насилия после принятия жалоб, поданных Комитетом, но до вынесения постановления ЕСПЧ, подтверждали правильность выбранной правозащитниками тактики поведения. Они убедились, что рассмотрение дела в Европейском суде является не только средством для установления международно-правовой ответственности государства за нарушение прав человека, но и механизмом принуждения государственных органов к выполнению конституционных обязанностей по защите прав граждан. Вместе с тем это средство не универсально: если дело касается причастности к преступлениям высокопоставленных фигурантов или их родственников, государство, как правило, предпочитает выплачивать компенсации, но не проводить эффективное расследование. Тем самым подтверждается сомнение в том, что государства, не желающие, чтобы дела против них рассматривались в ЕСПЧ, автоматически будут совершенствовать внутригосударственные средства защиты прав граждан [McGregor 2012, p. 741].

Тем не менее, рассмотрение дела в ЕСПЧ оказывается чрезвычайно важным ресурсом и символическим оружием правозащитников в их взаимоотношениях с государственными органами [McCann 2006, p. 29]. Его использование способствует изменению позиции представителей государственных органов, повышает их готовность к сотрудничеству с правозащитниками, заставляет учитывать их профессиональный вес в качестве экспертов в области прав человека, приобщать к материалам уголовного дела полученные ими доказательства вины подозреваемых в незаконном насилии. В свою очередь, участие правозащитников в обсуждении мер по предотвращению роста жалоб российских граждан в ЕСПЧ позволяет им высказывать собственные оценки причин сложившейся ситуации, формулировать рекомендации, а значит, в определенной степени оказывать влияние на правоприменителей, используя «мягкую» силу.

На этом этапе юридического сопровождения пострадавших от незаконного насилия правозащитники продолжают отстаивать право общественных интересов, используя каждое постановление ЕСПЧ в отношении России для того, чтобы «указывать чиновникам, способным принимать общие решения, на системные сбои» (юрист КПП, г. Нижний Новгород). Для реализации этой цели особое значение имеет достижение взаимопонимания юристов организации с пострадавшим в вопросе об отказе от мирового соглашения с российским государством, о его готов-

⁵ Пилотное постановление – это окончательное решение по делу, в котором ЕСПЧ признает нарушение Европейской Конвенции, а также устанавливает, что подобное нарушение носит массовый характер вследствие структурной (или системной) дисфункции правовой системы государства-ответчика, и предписывает этому государству принять определенный вид мер общего характера // http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Pilot_judgments_RUS.pdf

⁶ Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток» // <http://pytkam.net/o-komitete.pokazateli-dejatel-nosti/8>

ности не только бороться за свой интерес, но и способствовать через решение по своему делу изменению законодательства и сложившейся правоприменительной практики. Юристы объясняют пострадавшему, *«что можно через 3 года получить решение и получить компенсацию, а можно и сейчас, но в таком случае дело пересмотрено не будет, статуса жертвы тоже лишишься. Мало кто соглашается на мировое, так как люди хотят пересмотра дела здесь, в России, а решение ЕСПЧ – это вновь открывшиеся обстоятельства, и бывали случаи, когда Верховный Суд пересматривал дела после ЕСПЧ»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород).

Следует отметить, что пересмотр дела – не автоматически происходящая процедура, но сложный процесс, в ходе которого Комитету приходится преодолевать сопротивление региональных следственных органов и нередко обращаться в Верховный Суд. В целом *«по делам о пытках следственные органы игнорируют решения ЕСПЧ... Верховный Суд часто отказывает... Иногда просто не смотрит по существу. В целом пересматривают, только если это для властей не принципиально. По нашим делам принципиально»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). В то же время у нижегородских судей *«проявляется несколько наплевательское отношение к постановлениям ЕСПЧ»*, которое выражается в *«отказе в возобновлении уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с вынесением решения ЕСПЧ. Или очень поверхностный и формальный его пересмотр, несмотря на то, что оно должно быть полностью пересмотрено»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). В результате пострадавшие получают компенсацию, приговоренную ЕСПЧ, но виновных так и не привлекают к ответственности.

Учитывая особенности функционирования ЕСПЧ, сотрудники международно-правового отдела выработали правило представлять на рассмотрение Суда свои предложения. *«Если вы хотите изменить в стране правоприменительную практику или законодательство, что нужно? Свои предложения написать Суду. Если не предлагать, они ничего не будут делать»* (юрист КПП, г. Нижний Новгород). С этой целью они нередко предварительно заказывают правовые экспертизы или консультируются с известными юристами-практиками и правоведами. Если Суд соглашается с предложениями, он может указать России на необходимость внесения соответствующих поправок в национальное законодательство. Правозащитники продолжают действовать, руководствуясь юридической логикой, хотя и осознают, что сами по себе поправки в законодательство напрямую не приводят к трансформации сложившихся базовых практик сотрудников правоохранительных органов. Вместе с тем изменения сложившейся правоприменительной практики едва ли можно добиться только мерами сугубо юридического характера, то есть поправками в законодательство, созданием какой-то новой прецедентной процессуальной практики в нижегородских судах или отменой незаконной старой, ростом числа судебных решений, оценивающих качество следственной работы.

Заключение

Опираясь на основные положения концепции юридического поля П. Бурдьё, мы исследовали процесс юридической профессионализации правозащитной орга-

низации на примере Межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток». С позиций данного подхода анализировались взаимоотношения между организацией и институциональными акторами юридического поля. Юридическая профессионализация правозащитной организации рассматривалась как структурируемая неравным доступом к материальным и символическим ресурсам, а также контекстуально зависящая от непрекращающихся попыток стигматизировать ее деятельность. Выявлено, что асимметричность властных отношений внутри юридического поля вынуждает правозащитников разрабатывать набор тактик, позволяющих противодействовать нормализации незаконного насилия в правоохранительных органах. Организационная модель, используемая юристами-правозащитниками, отражает конфигурацию и динамику властных отношений как внутри юридического поля, так и за его пределами. Результаты исследования подтверждают тенденцию к возникновению в правозащитных организациях альтернативной формы профессионализации, изменяющей общеюридический габитус, и особой идентичности, соединяющей в себе правозащитную и юридическую составляющие.

Используемая Комитетом организационная модель может быть охарактеризована как профессионально-юридическая. Она предполагает, что контроль над деятельностью правоохранительных органов является функцией носителей юридической компетенции. В значительной степени это оправдано самой спецификой требуемых действий и особенностями контрагентов Комитета. Представляется, что наиболее очевидным предложением по расширению деятельности организации было бы содействие созданию сети групп активных граждан, стремящихся участвовать в общественном контроле деятельности полиции в рамках местного сообщества. Однако сами правозащитники, понимая важность обращения к общественности, делают ставку на поиск новых партнеров среди тех специалистов в области медицины, психологии, судебной экспертизы, которые соприкасаются с жертвами пыток в рамках осуществления своих должностных обязанностей.

Деятельность Комитета осуществлялась по различным направлениям и с использованием определенных тактик: от критики негативных сторон деятельности правоохранительных органов до делового сотрудничества при расследовании фактов применения пыток. С одной стороны, Комитет проводил мониторинг соблюдения прав человека в ряде российских регионов, инициировал общественные кампании, публиковал критические материалы в прессе и на сайте организации, проводил общественное расследование фактов незаконного насилия, участвовал в представлении исков от лица пострадавших в ЕСПЧ. С другой стороны, правозащитники организовывали обучающие семинары для судей, следователей, работников прокуратуры и адвокатов, круглые столы с представителями региональных органов государственной власти. Взаимодействие с международными институтами и фондами, участие руководителя организации в Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в сочетании с количеством выигранных в судах дел и умением находить правоприменителей, заинтересованных в переменах, способствовали укреплению статуса «Комитета против пыток» в качестве влиятельного регионального актора.

Вместе с тем проведенное исследование свидетельствует о том, что повлиять на сложившиеся модели профессионального поведения правоприменителей

удается лишь по отдельным направлениям и на локальном уровне. Это обусловлено немногочисленностью аналогичных правозащитных организаций в регионах страны, их узкоспециализированной направленностью, сложностью сочетания задач юридической профессионализации и мобилизации активности граждан. При этом даже скромные результаты в осуществлении «точечного» «гражданского ремонта» требуют постоянной целенаправленной работы правозащитников, сопровождающейся их юридической профессионализацией. Сохранение на макроуровне иерархического характера дифференциации политической и правовой систем, а на мезоуровне – количественных показателей эффективности работы правоохранительных и следственных органов способствует консервации и оправданию практики применения незаконного насилия.

Зарубежные исследователи обращали внимание на тот факт, что дистанцированность некоторых российских правозащитных организаций от политической деятельности и стремление ограничиваться исключительно юридическими методами работы будет способствовать их сохранению [Van der Vet 2014, p. 375]. Однако с изменением законодательства усилилась тенденция к дальнейшей маргинализации правозащитников и ограничению их деятельности, вплоть до ее полного прекращения. В 2015 г. после нескольких неудачных попыток обжаловать представление прокурора Нижегородской области и решение Минюста об объявлении организации «иностранным агентом» было принято решение о ее ликвидации. Новая организация «Комитет по предотвращению пыток» была внесена в список «иностранных агентов» в середине января 2016 г. Безусловно, постоянное давление на организацию, необходимость тратить время, силы и ресурсы на противостояние стратегии вытеснения отражается на ее основной деятельности по противодействию нормализации незаконного насилия. Тем не менее правозащитники выражают готовность продолжать свою работу по всем направлениям, адаптируясь к новым условиям и расширяя репертуар тактических действий. Заявляя о прекращении деятельности в качестве общественной организации⁷, они предполагают работать как юридическое бюро. Тем самым процесс юридической профессионализации получит свое организационно-правовое завершение.

Литература

- Барсукова С.Ю. (2010) «Три кита» правосудия по-русски // Свободная мысль. № 4. С. 57–68.
- Брайловская К. (2013) Исполнение постановлений Европейского суда по правам человека в России: реальность с элементами вымысла // Новикова А. (ред.) Рабочие тетради по реформе Европейского суда по правам человека. Аналитика, дискуссии, официальные заявления. Т. 2. Период 2012–2013. М.: Общественный вердикт. С. 17–28.
- Бурдые П. (2005) Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. С. 75–128.

⁷ Заявление председателя Комитета по предотвращению пыток от 15 января 2016 г. // <http://pytkam.net/press-centr.novosti/4308>

- Бурков А.Л. (2010) Применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российских судах общей юрисдикции // *Права человека: практика Европейского суда по правам человека*. № 8. С. 30–46.
- Волков В.В. (ред.) (2012) Как судьи принимают решения. М.: Статут.
- Гудков Л., Дубин Б., Леонова А. (2004) Милицейское насилие и проблема «полицейского государства» // *Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии*. № 4. С. 31–47.
- Дмитриевский С.М., Казаков Д.А., Каляпин И.А., Рыжов А.И., Садовская О.А., Хабибрахманов О.И. (2012) Общественное расследование пыток и других нарушений фундаментальных прав человека. Принципы, методика и практические рекомендации. Нижний Новгород.
- Каляпин И. (2010) Запланированный эффект // *Информационно-аналитический бюллетень Фонда «Общественный вердикт»*. № 1 (8). С. 12–17.
- Масловская Е.В., Масловский М.В. (2005) Социологические теории права // *Социологический журнал*. № 1. С. 5–20.
- Масловская Е.В., Масловский М.В. (2015) Концепция юридического поля и современная социология права // *Социология власти*. № 2. С. 48–65.
- Новикова А. (ред.) (2014) Реформа полиции: дискуссии и комментарии экспертов. Сборник материалов международной конференции «Права человека и правоохранительные органы: опыт реформ современного периода». М.: Общественный вердикт.
- Рекош Э. (2005) Кто определяет общественные интересы. Стратегии правовой защиты общественных интересов в Центральной и Восточной Европе // *PILI PAPERS*. Вып. 1. С. 1–20.
- Сатаров Г.А. (2013) Качество институтов и выполнение полицейской функции // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 91–108.
- Титаев К., Шклярчук М. (2015) «Языком протокола»: исследование связи юридического языка с профессиональной деятельностью и организационным контекстом // *Социология власти*. № 2. С. 168–206.
- Alexander J. (2001) The Long and Winding Road: Civil Repair of Intimate Injustice // *Sociological Theory*, vol. 19, no 3, pp. 371–400.
- Dauce F. (2014) The Government and Human Rights Groups in Russia: Civilized Oppression? // *Journal of Civil Society*, vol. 10, no 3, pp. 239–254.
- Dezalay Y., Madsen M. (2012) The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law // *The Annual Review of Law and Social Science*, vol. 8, pp. 433–452.
- Emirbayer M., Johnson V. (2008) Bourdieu and Organizational Analysis // *Theory and Society*, vol. 37, no 1, pp. 1–44.
- Francis A. (2011) At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism. Farnham: Ashgate.
- Kawar L. (2011) Legal Mobilization on the Terrain of the State: Creating a Field of Immigrant Rights Lawyering in France and the United States // *Law and Social Inquiry*, vol. 36, no 2, pp. 354–387.
- Madsen M. (2007) From Cold War Instrument to Supreme European Court: the European Court of Human Rights at the Crossroads of International and National Law and Politics // *Law and Social Inquiry*, vol. 32, no 1, pp. 137–159.
- Markowitz L., Tice K. (2002) Paradoxes of Professionalization: Parallel Dilemmas in Women's Organizations in the Americas // *Gender and Society*, vol. 16, no 9, pp. 941–958.
- McCann M. (2006) Law and Social Movements: Contemporary Perspectives // *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 2, pp. 17–38.
- McGregor L. (2012) The Role of Supranational Human Rights Litigation in Strengthening Remedies for Torture Nationally // *The International Journal of Human Rights*, vol. 16, no 5, pp. 737–754.
- Owen C. (2015) “Consentful Contention” in a Corporate State: Human Rights Activists and Public Monitoring Commissions in Russia // *East European Politics*, vol. 31, no 3, pp. 274–293.
- Salmenniemi S. (2014) The Making of Civil Society in Russia: a Bourdieuan Approach // *International Sociology*, vol. 29, no 1, pp. 38–55.
- Sarat A., Scheingold S. (eds.) (1998) Cause Lawyering: Political Commitments and Professional Responsibilities. New York: Cambridge University Press.
- Sommerlad H. (2007) Researching and Theorizing the Processes of Professional Identity Formation // *Journal of Law and Society*, vol. 34, no 2, pp. 190–217.

- Sundstrem L. (2012) Advocacy Beyond Litigation: Examining Russian NGO Efforts on Implementation of European Court of Human Rights Judgments // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, no 3–4, pp. 255–268.
- Swartz D. (2008) Bringing Bourdieu's Master Concepts into Organizational Analysis // *Theory and Society*, vol. 37, no 1, pp. 45–52.
- Taylor B. (2006) Law Enforcement and Civil Society in Russia // *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no 2, pp. 193–213.
- Van der Vet F. (2014) Holding on to Legalism: the Politics of Russian Litigation on Torture and Discrimination before the European Court of Human Rights // *Social and Legal Studies*, vol. 23, no 3, pp. 361–381.
-
-

Juridical Professionalization of a Human Rights NGO: a Case Study of 'The Committee Against Torture'

E. MASLOVSKAYA*

***Elena Maslovskaya** – Doctor of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of Russian Academy of Sciences. Address: 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya St., Saint Petersburg, 190005, Russian Federation. E-mail: ev_maslovskaya@mail.ru

Citation: Maslovskaya E. (2016) Juridical Professionalization of a Human Rights NGO: a Case Study of 'The Committee Against Torture'. *Mir Rossii*, vol. 25, no 3, pp. 126–148 (in Russian)

Abstract

This article considers the process of the juridical professionalization of the human rights organization 'The Committee against Torture', on the basis of Bourdieu's theory of the juridical field and its contemporary interpretations. It is argued that organizational models used by human rights activists reflect the configuration and the dynamics of power relations both within and outside the juridical field in today's Russia. The juridical professionalization of a human rights organization is regarded as structured by unequal access to material and symbolic resources, and dependent on continuous attempts to stigmatize its activities. The findings confirm the trend towards the formation of an alternative form of professionalization of human rights organizations which changes the common juridical *habitus*. It is shown that the asymmetry of the power relationships forces human rights activists to develop specific solutions for counteracting incidences of illegal violence in law enforcement organizations. The article also analyses the peculiarities of the interaction between human rights activists, victims and investigating authorities in cases of public investigation of illegal violence. Specific forms of juridical

activity and tactics used by human rights activists in Russian and international courts are also discussed. However, the findings demonstrate that the current models of professional conduct within law enforcement agencies can be influenced only selectively and mostly at the local level. This is explained by the relatively small number of human rights organizations in Russia's regions, their specialized character and the difficulties of combining juridical professionalization and the mobilization of public participation. It is concluded that even modest achievements require constant and active work on the part of human rights organizations in Russia.

Keywords: sociology of law, juridical field, violation of human rights, non-governmental organization, public enquiry, criminal trial, juridical professionalization

References

- Alexander J. (2001) The Long and Winding Road: Civil Repair of Intimate Injustice. *Sociological Theory*, vol. 19, no 3, pp. 371–400.
- Barsukova S. (2010) «Tri kita» pravosudiya po-russki ["The Three Whales" of the Law a la Russe]. *Svobodnaya mysl'*, no 4, pp. 57–68.
- Bourdieu P. (2005) Vlast' prava: Osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya [The Power of Law: Towards a Sociology of Juridical Field]. Bourdieu P. *Sotsial'noye prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices], St.-Petersburg: Aleteya, pp. 75–128.
- Brailovskaya K. (2013) Ispolnenie postanovlenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v Rossii: realnost' s elementami vymysla [The Implementation of Decisions of the European Court of Human Rights in Russia: the Reality with the Elements of Fiction]. *Rabochie tetradi po reforme Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Analitika, diskussii, ofitsialnye zayavleniya* [Working Papers on Reform of the European Court of Human Rights] (ed. Novikova A.), vol. 2, period 2012–2013, Moscow: Public Verdict, pp. 17–28.
- Burkov A.L. (2010) Primenenie Konvencii o zashchite prav i svobod v rossiiskikh sudakh obshchei yurisdiktsii [The Implementation of the Convention on Protection of Rights and Freedoms in Russian Courts]. *Prava cheloveka: praktika Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka* [Human Rights: The Practice of the European Court of Human Rights], no 8, pp. 30–46.
- Dauce F. (2014) The Government and Human Rights Groups in Russia: Civilized Oppression? *Journal of Civil Society*, vol. 10, no 3, pp. 239–254.
- Dezalay Y., Madsen M. (2012) The Force of Law and Lawyers: Pierre Bourdieu and Reflexive Sociology of Law. *The Annual Review of Law and Social Science*, vol. 8, pp. 433–452.
- Dmitrievskii S.M., Kazakov D.A., Kalyapin I.A., Ryzhov A.I., Sadovskaya O.A., Khabibrakhmanov O.I. (2012) *Obshchestvennoe rassledovanie pytok i drugikh narushenii fundamental'nykh prav cheloveka. Printsipy, metodika i prakticheskie rekomendatsii* [Public Investigation of Tortures and Other Violations of Fundamental Human Rights: Principles, Methods and Practical Recommendations], Nizhnii Novgorod.
- Emirbayer M., Johnson V. (2008) Bourdieu and Organizational Analysis. *Theory and Society*, vol. 37, no 1, pp. 1–44.
- Francis A. (2011) *At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism*, Farnham: Ashgate.
- Gudkov L., Dubin B., Leonova A. (2004) Militseiskoe nasilie i problema «politseiskogo gosudarstva» [Police Violence and the Problem of the "Police State"]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 4 (72) July–August, pp. 31–47.
- Kalyapin I. (2010) Zaplanirovannyi effekt [The Planned Effect]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten' fonda "Obshchestvennyi verdikt"*, no 1(8), pp. 12–17.

- Kawar L. (2011) Legal Mobilization on the Terrain of the State: Creating a Field of Immigrant Rights Lawyering in France and the United States. *Law and Social Inquiry*, vol. 36, no 2, pp. 354–387.
- Madsen M. (2007) From Cold War Instrument to Supreme European Court: the European Court of Human Rights at the Crossroads of International and National Law and Politics. *Law and Social Inquiry*, vol. 32, no 1, pp. 137–159.
- Markowitz L., Tice K. (2002) Paradoxes of Professionalization: Parallel Dilemmas in Women's Organizations in the Americas. *Gender and Society*, vol. 16, no 9, pp. 941–958.
- Maslovskaya E., Maslovskii M. (2005) Sotsiologicheskie teorii prava [Sociological Theories of Law]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no 1, pp. 5–20.
- Maslovskaya E., Maslovskii M. (2015) Kontseptsiya yuridicheskogo polya i sovremennaya sotsiologiya prava [The Concept of Juridical Field and Contemporary Sociology of Law]. *Sotsiologiya vlasti*, no 2, pp. 48–65.
- McCann M. (2006) Law and Social Movements: Contemporary Perspectives. *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 2, pp. 17–38.
- McGregor L. (2012) The Role of Supranational Human Rights Litigation in Strengthening Remedies for Torture Nationally. *The International Journal of Human Rights*, vol. 16, no 5, pp. 737–754.
- Novikova A. (ed.) (2014) *Reforma politzii: diskussii i kommentarii ekspertov* [The Police Reform: The Discussions and Commentaries By Experts], Moscow: Public verdit.
- Owen C. (2015) “Consentful Contention” in a Corporate State: Human Rights Activists and Public Monitoring Commissions in Russia. *East European Politics*, vol. 31, no 3, pp. 274–293.
- Rekosh E. (2005) Kto opredelyaet obshchestvennye interesy. Strategii pravovoi zashchity obshchestvennykh interesov v Tsentral’noi i Vostochnoi Evrope [Who Defines Public Interests. Strategies of Defending Public Interests in Central and Eastern Europe]. *PILI PAPERS*, no 1, pp. 1–20.
- Salmenniemi S. (2014) The Making of Civil Society in Russia: a Bourdieuan Approach. *International Sociology*, vol. 29, no 1, pp. 38–55.
- Sarat A., Scheingold S. (eds.) (1998) *Cause Lawyering: Political Commitments and Professional Responsibilities*, New York: Cambridge University Press.
- Satarov G. (2013) Kachestvo institutov i vypolnenie politseiskoi funktsii [The Quality of Institutions and the Fulfillment of Police Function]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost’*, no 4, pp. 91–108.
- Sommerlad H. (2007) Researching and Theorizing the Processes of Professional Identity Formation. *Journal of Law and Society*, vol. 34, no 2, pp. 190–217.
- Sundstrom L. (2012) Advocacy Beyond Litigation: Examining Russian NGO Efforts on Implementation of European Court of Human Rights Judgments. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 45, no 3–4, pp. 255–268.
- Swartz D. (2008) Bringing Bourdieu's Master Concepts into Organizational Analysis. *Theory and Society*, vol. 37, no 1, pp. 45–52.
- Taylor B. (2006) Law Enforcement and Civil Society in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no 2, pp. 193–213.
- Titaev K., Shklyaruk M. (2015) “Yazykom protokola”: issledovanie svyazi yuridicheskogo yazyka s professional’noi deyatelnost’yu i organizatsionnym kontekstom [The Language of Official Reports: Researching the Connection of Juridical Language with Professional Activities and Organizational Context]. *Sotsiologiya vlasti*, no 2, pp. 168–206.
- Van der Vet F. (2014) Holding on to Legalism: the Politics of Russian Litigation on Torture and Discrimination before the European Court of Human Rights. *Social and Legal Studies*, vol. 23, no 3, pp. 361–381.
- Volkov V. (ed.) (2012) *Kak sud’i prinyimayut resheniya* [How Judges Make Decisions], Moscow: Statut.